

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-111-116
УДК 378(045)

Конфликтогенность в сфере высшего образования: факторы появления и роста*

Е.И. Замараева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам конфликтогенности в сфере высшего образования, анализу факторов их появления и роста. Дается определение социальной конфликтогенности и объясняется ее отличие от конфликта. Анализируется контент современной российской научной литературы, посвященной данной проблематике, позволяющий определить наиболее значимые факторы возникновения конфликтогенности. Важнейшим фактором называются социально-политические и экономические потрясения российского общества, вызванные перестройкой, развалом СССР, сломом всех устоявшихся систем социума, многочисленные реформы образования. Отмечается высокая степень психологической напряженности педагогической среды и дискомфорта, вызванного большой степенью ответственности, возрастающими нагрузками аудиторной и научно-исследовательской работы, возложенной на преподавателей, эмоциональное выгорание преподавателей, что формирует условия высокой степени готовности к деконструктивному поведению. Констатируется поляризация ценностно-смысловых ориентиров участников образовательного процесса, коммерциализация образования, позиционирование его как услуги, увеличивающееся социальное расслоение, тенденция к нарастанию элитизации высшего образования, которые порождают не только факторы конфликтогенности, но и определяют дифференциацию спроса на образование. Делается вывод о том, что факторы конфликтогенности могут перерасти в социальные конфликты, если в ближайшей перспективе не будут разрешены накопившиеся противоречия.

Ключевые слова: конфликт; конфликтогенность; высшее образование; педагогическая среда

Для цитирования: Замараева Е.И. Конфликтогенность в сфере высшего образования: факторы появления и роста. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):111-116. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-111-116

ORIGINAL PAPER

Conflict Potential in Higher Education: Factors of Emergence and Growth**

E. I. Zamaraeva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

ABSTRACT

In this article, the author discusses the problems of conflicts in the field of higher education the analysis of the factors of their emergence and growth. The definition of social conflict potential and its difference from conflict are given. The content of modern Russian scientific literature devoted to this issue is analysed, making it possible to determine the most significant factors in the emergence of conflict potential. The most important factor is called the socio-political and economic upheavals of Russian society caused by perestroika, the collapse of the USSR, the breakdown of all established systems of society, and numerous educational reforms. There is a high degree of psychological tension in the teaching environment and discomfort caused by a high degree of responsibility, increasing loads of classroom and research work assigned to teachers, emotional burnout of teachers, which creates conditions for a high degree of readiness for deconstructive behaviour. The author states the polarisation of the value-semantic guidelines of the participants in the educational process, the commercialisation of education, its positioning as a service, the increasing social stratification, the tendency towards an increase in the elitisation of higher education, which not only generate conflict factors, but also determine the differentiation of demand for education. It is concluded that the factors of conflict can develop into social conflicts if the accumulated contradictions are not resolved in the future.

Keywords: conflict; conflict potential; higher education; pedagogical environment

For citation: Zamaraeva E. I. Conflict potential in higher education: Factors of emergence and growth. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):111-116. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-111-116

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

Под социальной конфликтогенностью, в том числе и в сфере высшего образования, большинство специалистов понимает комплекс социального, ментального и психологического напряжения, который, если не принять меры, может привести к серьезным проблемам в обществе [1–3]. Если сложившийся конфликт — это обозначенный момент, обнаживший противоречия, то конфликтогенность — это весь объем напряжения, который при определенных условиях может сформироваться в конфликт. «Конфликтогенность — это не противоречия, а рассогласования, неудовлетворенные ожидания, напряженности» [1]. Безусловно, конфликт легче предупредить, чем разрешить, поэтому процесс управления конфликтогенностью включает выявление факторов конфликтогенности, прогнозирование, профилактику, регулирование, т. е. снижение социальной напряженности. Невозможно добиться бесконфликтного течения процессов в образовании, поэтому эффективнее направить усилия на управление механизмами конфликтов.

Анализ современной российской научной литературы, посвященной данной проблеме, позволяет выявить следующие наиболее значимые факторы появления и роста конфликтогенности в высшей школе.

Прежде всего, социально-политические и экономические потрясения российского общества, вызванные перестройкой, развалом СССР, сломом всех устоявшихся систем социума, многочисленные реформы образования, порождающие снижение стабильности и появление тревожности, — это одна из важнейших причин повышения конфликтогенности не только в стране, но и в сфере образования, в том числе и высшего. Стремительность и глобальность политических, идеологических, социально-экономических преобразований определяют появление и рост конфликтогенности в обществе [2–4]. Инновационные стратегические цели, модернизация высшего образования, стремление быть конкурентоспособным, выйти в мировые лидеры в области науки и образования — эти преобразования влекут за собой быструю смену кадрового состава, сокращение кафедр, реструктуризацию вузов, сокращение ППС, а значит, неуверенность в завтрашнем дне, тревожность, скрытую агрессию, повышение конфликтогенности.

Кроме того, высшая школа создает высокую степень психологической напряженности педа-

гогической среды, осознаваемого дискомфорта, вызванного большой степенью ответственности, возрастающими нагрузками аудиторной и научно-исследовательской работы, возложенной на преподавателей в связи с реформами образования, что формирует условия высокой степени готовности к деконструктивному, конфликтному поведению. Самую высокую напряженность, по оценкам исследователей, в педагогической среде формирует коммуникационная активность участников взаимодействия (41%) [2]. Интенсивность коммуникаций, а также совмещение научно-исследовательской, научно-педагогической и менеджерской деятельности преподавателей способствуют росту конфликтогенности [2, 5, 6].

Характеризуя состояние высшего образования в России в первые десятилетия XXI в., можно определенно говорить о признаках системного кризиса, в основе которого лежит поляризация ценностно-смысловых ориентиров участников образовательного процесса (причем, как среди студентов, их родителей и преподавателей, так и между преподавателями и администрацией вузов), неопределенность целей и задач образовательного процесса, обострение противоречий между интересами и возможностями субъектов образовательного процесса, несогласованность личных целей и целей управляющей системы, а также рассогласованность ожиданий преподавателей, студентов и администрации вузов. У современных студентов отмечается отчетливо выраженный консьюмеризм, инструментальные ценности, сиюминутные цели, приспособленческие модели краткосрочных и долгосрочных жизненных стратегий. Межличностные конфликты между преподавателем и студентом, между преподавателем и администрацией, определяемые рассогласованностью ценностно-смысловой структуры сознания, а также морально-нравственными и деятельностными характеристиками субъектов образовательного процесса все чаще определяют напряженность психологической атмосферы вузов [2–4, 9, 10].

Коммерциализация образования, позиционирование его как услуги для получения определенного набора компетенций и выдачи документа об оказании данной услуги делают его пригодным лишь для краткосрочных целей, служат формированию дискретности процессов и результатов образования, но не выстраиванию жизненных стратегий. Креденциализм и образовательная инфляция, которые повышают требования к фор-

мальным образовательным квалификациям, неизбежно ведут к девальвации этих квалификаций, а значит, к созданию социальных рисков, неопределенности будущего, социальных фобий, проблемам с социализацией и самоидентификацией студентов, их удовлетворенностью учебной и внеучебной деятельностью, что, в свою очередь, ведет к росту конфликтности как в студенческой, так и в преподавательской среде [3, 4].

Усложняющаяся структура современного российского общества и увеличивающееся социальное расслоение порождают серьезные изменения общества, определяют различия в потребностях и дифференциацию спроса на образование. Общество и государство декларируют равный доступ к образованию, при этом одновременно выступают как ограничители социальной мобильности, распределяя общественные потоки, прежде всего по горизонтали. Тенденция к нарастанию элитизации высшего образования, доступности качественного образования лишь привилегированным слоям населения ведет к тому, что образование эволюционирует как механизм социальной дифференциации и селекции. Образование уже не представляет собой тот социальный лифт, которым оно было в годы советской власти. Стратегии высшего образования при этом приобретают рыночный характер, в результате чего замедляются темпы социокультурной динамики, сужаются каналы социальной мобильности, а образованные таким образом профессиональные группы отличаются отчужденностью и замкнутостью, что неизбежно ведет к повышению конфликтности в сфере высшей школы [2, 3]. Исследователями отмечается также, что сам запрос на социальную справедливость в нашем обществе является конфликтным фактором [9].

Одной из причин конфликтности в среде высшего образования исследователи указывают неподготовленность студентов, особенно первых курсов, к системе обучения в высшей школе, их слабую мотивацию к учебной деятельности, низкий уровень общего развития, слабую адаптацию к образовательной среде, социальную инфантильность. Высокий уровень притязаний, завышенная самооценка при невысоком качестве базовой подготовки являются не только причинами конфликтности, но и порождают сами конфликты [7, 11].

Многими исследователями одним из важнейших факторов появления и нарастания конфликтности называется эмоциональное выгора-

ние преподавателей, и это относится не только к школьным учителям, но и к преподавателям высшей школы. Высокий уровень ответственности, повышенная интеллектуальная, психологическая и коммуникативная нагрузка, а также дисбаланс между энергетическими затратами и морально-материальным вознаграждением приводит к истощению физических, психологических и интеллектуальных сил. Выгорание, как отмечают исследователи, включает в себя эмоциональную истощенность, проявляющуюся в постоянной усталости, раздражительности, опустошенности, неудовлетворенности собой и окружающими, деперсонализацию, формирующую циничное отношение к окружающему, редукцию личных и профессиональных достижений, которая ведет к снижению продуктивности и личностно-профессиональному обесцениванию. Преподаватель не чувствует своей значимости, компетентности, не ощущает уважения к себе не только со стороны студентов, но и со стороны администрации, однако чувствует неуспех в профессиональной сфере, что приводит к снижению самооценки и повышению конфликтности [3, 5, 6].

Капитализация знаний, по оценкам исследователей, — еще один фактор конфликтности в сфере высшего образования [12]. Она предполагает получение за свой труд адекватного материального вознаграждения: гонораров, выплат и т.д. И самое главное — зарплата преподавателей вузов в регионах не соответствует стандартам, заложенным в постановлениях правительства. Советской системой высшего образования были заложены высокие стандарты качества образования, которые современная российская система по инерции поддерживает и в силу академических традиций, и в силу кадрового потенциала. Однако университетское образование откровенно стало полем битвы интересов «эффективных менеджеров», стремящихся получить наибольшую прибыль от науки и образования, и носителями традиционных академических ценностей, ориентированных на получение знаний, которые не всегда связаны с экономической выгодой.

Многие исследователи отмечают также, что реформы высшей школы привели к изменению кадрового состава ППС и его возрастной поляризации. Ригидность профессионального поведения в усложняющихся условиях организационной и технологической динамичности образовательного процесса также является условием повышения конфликтности в университетской среде [2–4].

Одним из факторов повышения конфликтности в последний год стала стремительная цифровизация высшего образования [13, 14]. И это касается не только возрастных преподавателей, которые не могут встроиться в современную систему цифрового образования. Глобальная цифровизация ведет к потере рабочих мест во всех отраслях хозяйства, это касается и системы образования. Перспектива потери рабочих мест, а значит, средств к существованию, безусловно, является дополнительным фактором повышения нервозности и конфликтности.

Госпрограмма «Развитие образования на 2013–2020 годы» содержит федеральный проект «Современная образовательная цифровая среда в Российской Федерации», который предполагает широкую цифровизацию образования с выстраиванием индивидуальной траектории обучения каждого обучающегося. Однако все отчетливее проявляется тенденция того, что гаджеты становятся частью жизни, прежде всего, малообеспеченных граждан, и дистанционное образование — это их удел. Высокообеспеченные слои населения предпочитают живое общение и обучение офлайн. Цифровизация образования может привести к еще большему расслоению общества по признаку доступности к классическому образованию в режиме офлайн.

Еще один фактор конфликтности называют Л. А. Ясюкова и О. В. Белавина [15, 16]. На основе лонгитюдного исследования ими было выявлено, что современная российская система школьного образования не формирует у школьников, а значит, у будущих студентов, так называемого понятийного мышления и социального интеллекта, которые предполагают умение мыслить, т. е. выделять главное, существенное, выстраивать объективные причинно-следственные связи, обобщать, систематизировать. «Если понятийные структуры не сформировались, то человек не замечает ошибок, нелогичности теоретических построений, затрудняется с проверкой или обоснованием собственных выводов, принимает решения, которые не приводят к желаемому практическому результату» [15]. В результате не

формируется так называемый эмоциональный и социальный интеллект, т. е. система адаптационных навыков и способностей, позволяющих человеку быть социально успешным, что включает и способность понимать мотивы действий другого человека, и анализировать свои собственные действия, а также действовать адекватно в различных ситуациях, это успех в межличностном взаимодействии, это социальная зрелость, умение брать на себя ответственность и нести ее [17]. Отсутствие таких навыков у молодых поколений повышает конфликтность.

Кроме того, конфликтность в сфере образования имеет причиной и чисто медицинский фактор: повышенная тревожность, неуверенность в завтрашнем дне, нестабильность способствуют увеличению количества психических расстройств и пограничных состояний психики. Пандемия коронавирусной инфекции, переход на дистанционное обучение, тотальная цифровизация всех сфер нашей жизни ведут к формированию асоциальной личности с пограничными расстройствами психики. Исследование «Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», проведенное под руководством В. Р. Кучмы, члена-корреспондента РАМН, научного руководителя Института комплексных проблем гигиены, заведующего кафедрой гигиены детей и подростков Института общественного здоровья имени Ф. Ф. Эрисмана, показало, что у 83,8% исследуемых отмечены неблагоприятные психические реакции пограничного уровня [18].

Таким образом, можно сделать вывод, что перенасыщенный объем факторов конфликтности в высшей школе с большой долей вероятности может стать причиной реальных конфликтов не только в среде высшего образования, но и в обществе в целом. Анализ данных факторов должен способствовать формированию целостной и внятной политики пересмотра идеологических и социальных основ и университетского образования, и всей системы образования в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Перов Е. В. Теория и анализ социальной конфликтности общества. *Вопросы безопасности*. 2013;(5):67–141.
2. Агапов В. С., Белая О. П., Плугина М. П., Кулешова Л. Н. Факторы конфликтности современной педагогической среды высшей школы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-konfliktogennosti-sovremennoy-pedagogicheskoy-sredy-vysshey-shkoly/viewer>.

3. Гржебина Л. М. Конфликтогенность образования как социокультурный фактор трансформации современного российского общества. Дис. ...канд. социол. наук. М.; 2006. 192 с.
4. Грязнова Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1239/gryaznova2011_3.pdf.
5. Бурлакова И. И. Эмоциональное выгорание педагога: проблемы и пути решения. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2019.
6. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер; 2005.
7. Сучилина А. А. Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):95–99. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-95-99
8. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтогенности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;27(4):26–32.
9. Головин Ю. А. Социальная справедливость как конфликтогенный фактор. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2019.
10. Иванова А. О. Конфликты в студенческой среде. Конфликты в современной России: исследование и регулирование. Материалы Всерос. научн.-практ. конф. М.; 2017.
11. Ореховская Н. А. Об общей культуре первокурсника технического вуза. *Высшее образование в России*. 2014;(3):135–139.
12. Сенюшкина Т. А. Капитализация знаний как конфликтогенный фактор университетского образования. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2019.
13. Сунами А. Н., Павлова Е. В. Цифровизация образования: риски и конфликты. Материалы III Санкт-Петербургского конгресса конфликтологов. СПб.: Фонд развития конфликтологии; 2019.
14. Тюриков А. Г., Большунов А. Я. Информационные технологии как социальный вызов XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(2):6–11.
15. Ясюкова Л. А. Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. СПб.: ИМАТОН; 2005.
16. Ясюкова Л. А., Белавина О. В. Социальный интеллект детей и подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; 2017. 181 с.
17. Максимова О. И. О некоторых аспектах эмоционального интеллекта и его использования в вузе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):114–119. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-114-119
18. Кучма В. Р., Седова А. С., Степанова М. И., Рапопорт И. К., Поленова М. А., Соколова С. Б., Александрова И. Э., Чубаровский В. В. Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья* 2020;(2):4–24.

REFERENCES

1. Perov E. V. Theory and analysis of the social conflict potential of society. *Voprosy bezopasnosti*. 2013;(5):67–141. (In Russ.).
2. Agapov V. S., Belaya O. P., Plugina M. P., Kuleshova L. N. Conflict factors of the modern pedagogical environment of higher education. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-konfliktogennosti-sovremennoy-pedagogicheskoy-sredy-vysshey-shkoly/viewer>. (In Russ.).
3. Grzhebina L. M. Conflict nature of education as a socio-cultural factor in the transformation of modern Russian society. Abstract of the dissertation. Moscow; 2006. 192 p. (In Russ.).
4. Gryaznova Yu. G. Conflict potential of intergenerational interaction in the culture of modern Russian society. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2011.3/1239/gryaznova2011_3.pdf. (In Russ.).

5. Burlakova I.I. Emotional burnout of a teacher: problems and solutions. Conflictology of the XXI century. Ways and Means of Strengthening Peace: Materials of the Third St. Petersburg International Congress of Conflict Experts. St. Petersburg, November 15–16, 2019. St. Petersburg: Conflict Development Fund; 2019. (In Russ.).
6. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg: Peter; 2005. (In Russ.).
7. Suchilina A.A. Contradictions in the formation of the historical consciousness of modern Russian youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):95–99. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–1–95–99.
8. Shatilov A.B. Generational gaps as a factor in the growth of conflict potential in modern Russian society. *Vlast*. 2019;27(4):26–32. (In Russ.).
9. Golovin Yu.A. Social justice as a conflict-generating factor. Conflictology of the XXI century. Ways and Means of Strengthening Peace: Materials of the Third St. Petersburg International Congress of Conflict Experts. St. Petersburg, November 15–16, 2019. St. Petersburg: Conflict Development Fund; 2019. (In Russ.).
10. Ivanova A.O. Conflicts in the student environment. Conflicts in modern Russia: research and regulation. Materials of the All-Russian scientific conference. Moscow; 2017. (In Russ.).
11. Orekhovskaya N.A. On the general culture of a freshman at a technical university. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 2014;(3):135–139. (In Russ.).
12. Senyushkina T.A. Knowledge capitalisation as a conflict-generating factor in university Education. Conflictology of the XXI century. Ways and Means of Strengthening Peace: Proceedings of the Third St. Petersburg International Congress of Conflict Experts. St. Petersburg, November 15–16, 2019. St. Petersburg: Conflict Development Fund; 2019. (In Russ.).
13. Sunami A.N., Pavlova E.V. Digitalization of education: risks and conflicts. Materials of the III Saint-Petersburg Congress of Conflictologists. St. Petersburg: Foundation for the Development of Conflict Studies; 2019. (In Russ.).
14. Tyurikov A.G., Bolshunov A. Ya. Information technologies as a social challenge of the XXI century. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(2):6–11. (In Russ.).
15. Yasyukova L.A. Patterns of development of conceptual thinking and its role in learning. St. Petersburg: IMATON; 2005. (In Russ.).
16. Yasyukova L.A., Belavina O.V. Social intelligence of children and adolescents. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2017. 181 p. (In Russ.).
17. Maksimova O.I. On some aspects of emotional intelligence and its use in the university. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):114–119. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–114–119.
18. Kuchma V.R., Sedova A.S., Stepanova M.I., Rapoport I.K., Polenova M.A., Sokolova S.B., Aleksandrova I.E., Chubarovsky V.V. Features of the life and well-being of children and adolescents who study remotely during the epidemic of a new coronavirus infection (COVID-19). *Voprosy shkol'noy i universitetskoy meditsiny i zdorov'ya*. 2020;(2):4–24. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Ивановна Замараева — кандидат философских наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
zamaraeva_e@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Zamaraeva — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
zamaraeva_e@mail.ru

*Статья поступила 20.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article received on 20.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.
The author read and approved the final version of the manuscript.*